

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ СОЦИУМА

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8)
EDN [ZNOMBC](https://edn.znombc.ru)
УДК 316.66

П. Е. Сушко¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ УСПЕШНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье на данных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН рассматривается динамика и специфика социального благополучия молодёжи сквозь призму сопоставления объективных показателей дохода и его субъективных оценок, а также особенностей восприятия молодёжью их социальной успешности в сочетании с мировоззренческими установками на самодостаточность. Показано, что для современной молодёжи значительно снизились шансы на достижение относительно высоких доходов на ранних жизненных этапах, но при этом не возросли риски скатывания молодёжных групп к границам бедности. Хотя с 2003 г. значительно снизилась численность наиболее обеспеченной части молодёжи, доля её наименее обеспеченной части оставалась стабильной. На этом фоне общие стандарты жизни для молодёжи повысились, а границы неблагополучия стали более размытыми. Представления о компонентах социального благополучия в молодёжной среде расширились, а роль доходов как одного из ключевых его маркеров снизилась. Тем не менее для российской молодёжи сохраняется относительно длинный цикл достижения условно предельного уровня социального благополучия. Продемонстрировано, что российская молодёжь отличается высокими ожиданиями в отношении собственных достижений в будущем и имеет при этом особое молодёжное видение критериев жизненного успеха, обусловленное во многом проблемами и ожиданиями, характерными для того или иного этапа жизненного цикла. Показано также, что степень самореализации как молодёжи, так и россиян в целом оказывается значительно связана с целым рядом объективных характеристик индивида. Чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях, тем лучше он оценивает степень реализации собственных планов. В свою очередь ощущение социального аутсайдерства стимулирует формирование установок на крайний индивидуализм, готовность достигать желаемого любой ценой. Здоровая же социальная успешность коррелирует с установкой на приоритет моральных норм и ценностей.

Ключевые слова: социальное благополучие; социальная мотивация; жизненный успех; мировоззренческие установки; молодёжь

Для цитирования: Сушко П. Е. Социальное благополучие и социальная успешность российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 136–149. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.8](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8). EDN [ZNOMBC](https://edn.znombc.ru)

Постановка проблемы и методология исследования. Социальное благополучие населения является одним из ключевых нематериальных факторов развития общества. Невозможность сохранить его привычный уровень и сужение перспектив его улучшения могут приводить к формированию чувства социального аутсайдерства, накоплению общественного недовольства, росту пессимистических настроений, общественных расколов [1]. В случае с молодёжью этому сопутствуют риски формирования ложных мотиваций, отдалённых от устоявшейся ценностной базы, а также распространённости релятивистских настроений и завышенных ожиданий

[2; 3; 4]. Такие тенденции способны в корне менять предпосылки выбираемых жизненных стратегий для следующих поколений молодёжи, а в условиях нарастания социальной неопределённости делать этот выбор в высокой мере случайным, слабо обоснованным и не гарантирующим результативности [5]. Хотя во многом это уже становится приметой времени и может являться одной из характеристик феномена «новой взрослости» [6]. В российских условиях это проявляется прежде всего в противоречии между пространством объективных социальных статусов, которое в целом значимо не отличается в лучшую или худшую сторону от остального населения, и завышенными субъективными ожиданиями молодёжи относительно своего положения в долгосрочной перспективе на фоне доминирующего ощущения несправедливого общественного устройства [7; 8].

В целом идеи справедливости доминируют среди представителей всех поколений и от них редко отходят по мере взросления. Однако в отличие от старших групп россиян, нынешнее поколение молодёжи характеризуется наличием более широких и разнообразных ожиданий, невозможность реализовать которые добавляет оснований для неудовлетворённости жизнью и обществом. И, хотя в отличии от иных поколений для молодых россиян за последние два десятилетия существенно улучшилась ситуация с реализацией возможностей в части путешествия в разные страны мира (рост реализации данной цели по группе 18–35 лет более чем в два раза), общего качества жизни (рост в полтора раза) и наличия свободного времени (рост почти в 1,4 раза), тревожна ситуация с некоторыми социально-значимыми ценностями и целями. К примеру, не произошло значимых улучшений в части реализации возможности устроиться на соответствующую молодёжным интересам и отвечающую критериям престижности работу [10]. Это говорит о серьёзных проблемах в сфере молодёжной занятости и увеличивает дистанцию между ценностями и реальной ситуацией.

Кроме того, специфика современной ситуации задаёт для современных молодых людей иные, небинарные критерии социального благополучия и благополучия и, соответственно, факторов жизненного успеха. В этом смысле, в представлениях российской молодёжи социальное благополучие и счастье имеют разную природу. Для них оценки этих двух категорий чаще не согласованы между собой, хотя и довольно тесно связаны. В то же время для представителей других возрастов они осознаются в более синонимичном ключе [9]. Для молодёжи характерен гораздо более широкий спектр жизненных целей, который порождает и соответствующие запросы, а также многообразие жизненных практик и стратегий по их обеспечению, что обуславливает и слабую территориальную привязку представителей молодёжи к месту проживания.

Как показывают исследования, установки на изменение текущего места жительства чаще декларируют проживающие в сельской местности и в небольших типах поселений. В то же время по мере увеличения размера населённого пункта желание переехать из него заметно снижается. Так, из Москвы и Санкт-Петербурга хотели бы уехать только 19,5% проживающей в них молодёжи (что, впрочем, тоже немало, учитывая все преимущества жизни в столицах), а вот из сельской местности на такой шаг решилось бы 49,1%. Таким образом, готовность к переезду носит «поисковый» характер и связана с удовлетворением запроса на жизненный успех. Молодые люди могут не стремиться мигрировать, если найдут действующие способы реализации себя на местах. Однако для многих из них такая возможность пока маловероятна [10].

На фоне обозначенных проблем растут риски межпоколенческих расколов, рассогласования эффективных практик достижения жизненного успеха, задавае-

мых социально-экономической реальностью с базовыми нормами и ценностями, свойственными российской молодёжи и воспроизводимыми в рамках межпоколенческого транзита [8]. В этой связи на старте жизненного пути ситуация с уровнем социального благополучия и представлениями о его достижении может существенно сказываться не только на выбираемых жизненных стратегиях и принципах, но и на социальной мотивации наиболее перспективной части населения.

В этой связи в фокусе нашего анализа находятся прежде всего оценки материального благополучия российской молодёжи, а также их отражение в субъективном восприятии. Признавая комплексность категории социального благополучия, мы сознательно ограничили её рамками материальной составляющей, имеющей высокую роль практически в любом обществе [11]. Таким образом, будет рассмотрена не только взаимосвязь объективного и субъективного социального благополучия в молодёжной среде, но и их взаимовлияние на социальную мотивацию молодёжи, а также представления молодых людей о критериях жизненного успеха и некоторые их мировоззренческие установки. Это позволит оценить глубину возможных противоречий и нестыковок, лежащих не только в плоскости объективного и субъективного, но и частично традиционного и современного, а также бессознательного и осознанного [4; 12].

Эмпирической базой исследования выступили данные общероссийского репрезентативного опроса, проведённого ИС ФНИСЦ РАН в июне 2023 г. по выборке (N=2000), репрезентирующей население страны по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения¹. Для оценки динамики использовались также данные других исследований ИС ФНИСЦ РАН со схожей моделью выборки².

Социальное благополучие российской молодёжи: ретроспектива объективного и субъективного. Как уже было упомянуто выше, категория социального благополучия в данной статье интерпретируется в разрезе объективных показателей дохода молодёжи³ и их субъективного восприятия. Оба этих показателя представляются одними из базовых предпосылок выбираемых молодёжью жизненных стратегий. В этой связи особенно важно учитывать ретроспективу шансов молодёжи с точки зрения их объективного социального благополучия и их отражение в субъективном ключе. Как показывает динамика за последние два десятилетия, изменения в численности доходных групп среди молодёжи и остального населения имели определённые различия. Заключаются они прежде всего в том, что среди молодёжи с 2003 г. значительно снизилась численность наиболее обеспеченной её части, но после 2013 г. увеличилась доля среднедоходных слоёв. При этом наименее обеспеченная часть молодёжи оставалась в целом стабильной (рис. 1). Кроме того, взаимосвязь между размером доходов и принадлежностью к той или иной молодёжной группе⁴ оказалась теснее, нежели корреляция между размерами дохода и возрастом в принципе⁵.

¹ Численность подвыборки молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет составила 490 респондентов.

² В частности, использовались данные исследования «Богатые и бедные» за 2003 г. (N=2106), «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» за 2013 г. (N=1600), «20 лет реформ глазами россиян» за 2011 г. (N=1750) и данные мониторинга ИС ФНИСЦ РАН за 2021 г. (N=2000).

³ Для выделения доходных групп используется относительный подход на основе выделения среднедушевого ежемесячного дохода в домохозяйстве относительно поселенческой медианы. При определении границ доходных групп мы опирались на результаты отечественных исследований по доходной стратификации. См.: [13].

⁴ Для проверки взаимосвязи выделялись три молодёжные группы – от 18 до 24 лет, от 25 до 29 лет и от 30 до 35 лет.

⁵ Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем доходов и принадлежностью к той или иной молодёжной группе составил 0,309, а с возрастом в принципе – 0,276 (по модулю). Корреляции значимы на уровне 0,01.

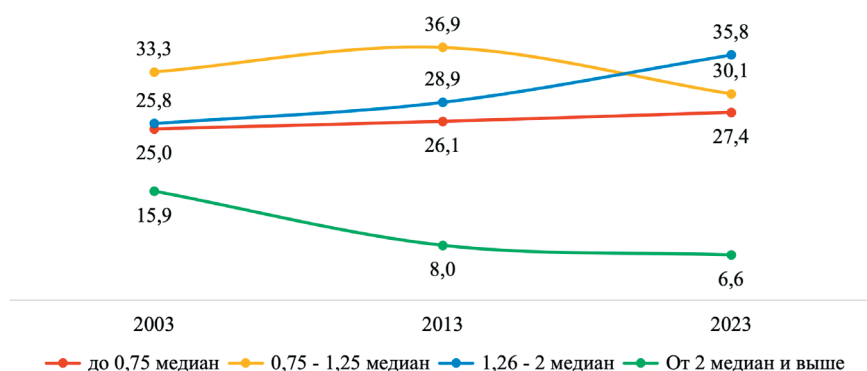

Рисунок 1. Динамика численности доходных групп среди молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %

Среди остальной части населения имела место иная тенденция – поляризация высокодоходных и низкодоходных слоёв. Так, с 2003 по 2013 гг. среди россиян старше 35 лет на фоне значимого сокращения численности наиболее и наименее обеспеченных групп (с 9,8% до 5,2% и с 30,3% до 25,3% соответственно) существенно выросла доля медианной группы (с 37,2% до 46,2%). Однако за десятилетие 2013–2023 гг. произошло размывание этой группы к условным полюсам бедности и богатства – доля высокодоходных слоёв выросла до 10,3%, низкодоходных – до 30,5%. При этом медианная группа сократилась до 33,4%, но стабильной осталась доля среднедоходных слоёв с доходами от 1,26 до 2 медиан (25,8%).

Все указанные тенденции позволяют сделать вывод о том, что на фоне остального населения социальное благополучие молодёжи не отличается резко в худшую или лучшую сторону, но достичь относительно высокого уровня доходов её представителям удаётся чаще всего, находясь ближе к верхней возрастной молодёжной границе, нежели на более ранних этапах жизненного цикла. Также сохраняются риски снижения доходов по мере приближения к границе пожилого возраста, являющиеся общими для российского населения. Кроме того, при обращении к ретроспективе доходного распределения оказывается, что хотя шансы молодёжи на существенное улучшение уровня своего социального благополучия и выше, чем для других возрастных групп, для нынешней молодёжи в сравнении с её ровесниками версии 2003 и 2013 гг. они скорее уменьшились, хотя в абсолютном выражении заработки стали выше.

Дополняют эти тренды и изменения во взаимосвязи объективного и субъективного социального благополучия в молодёжной среде. С одной стороны, низкие доходы перестали восприниматься большинством молодёжи как свидетельство плохого уровня материальной обеспеченности, что может являться отражением постепенного усложнения социальной реальности, её многомерности, тех самых нарастаемых противоречий между объективным и субъективным, а также традиционным и инновационным (табл. 1). В итоге материальная обеспеченность и социальное благополучие в целом перестают ассоциироваться с узким перечнем характеристик, которые тем не менее между собой взаимосвязаны. Это заметно по снижению тесноты связи между субъективными и объективны-

ми оценками социального благополучия⁶, что проявляется и в сохраняющейся довольно высокой рассогласованности между объективными показателями дохода и их субъективным восприятием. С другой стороны, относительно высокие доходы стали восприниматься большинством молодёжи как реальный признак хорошей материальной обеспеченности, что особенно примечательно на фоне роста их дефицита среди этой части населения.

Таблица 1

Динамика соотношения принадлежности к доходной группе с субъективными оценками уровня материальной обеспеченности среди молодёжи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %⁷

Оценки	до 0,75 медиан	0,75–1,25 медиан	1,26–2 медиан	От 2 медиан и выше
2003				
Хорошо	4,6	8,7	11,7	31,5
Удовлетворительно	35,6	65,8	64,8	61,3
Плохо	59,8	25,5	23,5	7,2
2013				
Хорошо	11,2	25,2	39,9	47,7
Удовлетворительно	59,4	65,8	57,0	50,0
Плохо	29,4	8,9	3,2	2,3
2023				
Хорошо	26,7	12,9	35,0	65,5
Удовлетворительно	58,3	72,7	58,6	27,6
Плохо	15,0	14,4	6,4	6,9

В целом же динамика указанных показателей свидетельствует об общем повышении жизненных стандартов молодёжи, проявляющееся как в размытии границ социального неблагополучия, так и в более чётком их оформлении на высоких его уровнях. Причём сильнее это выражено именно в молодёжной среде. Среди остального населения субъективные оценки доходов выглядят более скептическими. Так, в низкодоходных слоях относительно чаще распространены оценки собственных доходов как плохих (26,1%). Относительно высокие доходы (от 2 медиан и выше) при этом оцениваются большинством тех, кто их имеет, как удовлетворительные (57,1%), хотя большинство молодёжи, как было показано, придерживаются в этом отношении иной позиции и чаще считают их хорошими. Вероятно, это обусловлено уровнем притязаний на определённом этапе жизненного цикла. Молодёжь в сравнении с более старшими группами чаще не имеет иждивенческой нагрузки, склонна смотреть в будущее с надеждой, а также имеет в своём окружении гораздо больше таких же молодых, начинающих свой жизненный путь людей. Это задаёт иные ориентиры на будущее и точки отсчёта для оценок своего текущего положения [14], а также сказывается на социальной мотивации и представлениях о социальной успешности индивида.

⁶ Коэффициент Спирмена для указанных показателей среди молодёжи 18–35 лет составлял: в 2003 г. – 0,384, в 2013 г. – 0,354, в 2023 г. – 0,201. Все коэффициенты приведены по модулю, значимость на уровне 0,01.

⁷ Жирным шрифтом в таблице выделены максимальные показатели по столбцу

Социальная успешность российской молодёжи: взгляд изнутри. Как было показано в отечественных исследованиях, российская молодёжь хотя в целом и придерживается устоявшихся в обществе ценностей и норм в отношении жизненных приоритетов и целей [10], все же имеет некоторые специфические представления о свидетельствах успеха их достижения. Однако интерпретация их происхождения представляется двойственной. С одной стороны, по мере взросления представления индивида о критериях жизненного успеха значимо меняются. Водораздел главным образом формируется по границе перехода от экономически активного возраста к пенсионному. Финансовое благополучие и работа постепенно замещаются ценностями здоровья и семьи, общественной пользы и помощи окружающим. При этом в возрасте до 24 лет приоритет, наряду с хорошей работой и заработком, отдаётся самореализации, карьере, путешествиям и свободе выбора. Подходя к верхней границе молодёжного возраста часть целей по мере их достижения (к примеру, связанных с тем же получением образования) теряют свою значимость как критерий успеха, а другая часть, как правило, вызванная более насущными проблемами (к примеру, необходимостью иметь собственное жильё), набирает вес (табл. 2).

Таблица 2

Критерии, свидетельствующие о жизненном успехе человека в оценках различных возрастных групп, ИС ФНИСЦ РАН, 2003–2023 гг., %⁸

Критерии	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше	Всего
Хорошая работа	48,9	49,6	57,5	53,1	52,4	50,2	42,8	50,9
Финансовое благополучие	54,0	41,7	53,3	48,9	55,2	48,3	42,5	49,6
Создание семьи, рождение детей	29,5	40,3	44,8	48,9	41,8	50,2	52,7	45,8
Здоровье	32,4	26,6	34,0	40,3	45,7	53,8	60,6	44,5
Самореализация, проявление себя	52,5	54,0	45,3	46,9	37,7	38,6	36,3	42,7
Хорошее образование	42,4	26,6	33,5	28,4	31,3	32,8	35,3	32,2
Наличие отдельной квартиры, дома	18,7	20,1	27,8	22,9	22,8	24,3	25,0	23,5
Жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе	10,1	20,9	14,2	15,9	19,3	25,2	16,8	18,1
Дружба, общение	11,5	15,1	16,0	15,6	13,1	17,6	16,8	15,3
Помощь детям, внукам устроить свою жизнь, добиться успеха	2,9	5,8	11,3	11,9	13,8	22,8	24,0	14,8
Карьера, должностной статус	26,6	22,3	17,5	15,9	13,3	7,3	11,6	14,7
Собственный бизнес	25,2	15,1	21,7	17,2	12,6	7,6	5,1	13,8

⁸ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 3–5%. Жирным шрифтом выделены по 3 показателя в каждом столбце с максимальными значениями.

Критерии	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет	36–44 года	45–54 года	55–65 лет	66 лет и старше	Всего
Признание, уважение со стороны окружающих	10,8	12,2	7,1	11,9	14,9	15,2	16,1	13,2
Путешествия, новые впечатления	20,1	23,7	16,0	10,4	10,6	12,8	4,1	12,1
Возможность быть полезным обществу, людям	9,4	9,4	9,4	9,9	12,4	14,3	14,7	11,8
Следование собственным идеалам, принципам, ценностям	3,6	14,4	8,0	12,1	12,0	8,5	13,0	10,8
Наличие важных знакомств, связей	10,1	11,5	7,1	8,4	11,0	7,6	8,2	9,0
Возможность жить и работать там, где хочется, в любой стране мира	15,1	8,6	4,7	7,5	8,3	6,4	2,7	7,1
Доступ к информации, свободное общение в социальных сетях	13,7	11,5	4,7	3,7	4,4	2,7	2,1	4,8
Развлечения и удовольствия	3,6	5,0	2,4	2,2	1,6	1,2	1,0	2,1
Участие в политической и общ. деятельности	-	0,7	-	1,1	1,1	0,6	1,0	0,8

С одной стороны, представления о свидетельствах жизненного успеха в высокой степени обусловлены этапом жизненного цикла, что проявляется в наличии условно молодёжного и немолодёжного видения этих критериев. С другой стороны, такие отличия могут сводиться не только к этому, а иметь более глубокие корни, связанные с культурной составляющей. В частности, видение жизненного успеха молодёжью через сочетание индивидуалистских ценностей с базовыми ценностями социального благополучия (прежде всего хороших работы и заработка) может свидетельствовать о сосуществовании в российской культуре элементов индивидуалистской и коллективистской культур. Так, зарубежные исследования показывают, что для жителей стран с выраженной индивидуалистской культурой более высокий уровень благополучия ассоциируется с успешной самореализацией, достижением поставленных целей и финансовой независимостью. В то же время в коллективистских культурах принято считать, что благополучие невозможно без устойчивых социальных связей, выполнения своих обязанностей перед другими людьми [15; 16]. Впрочем, эта гипотеза требует более сфокусированного анализа.

Немаловажными на этом фоне становятся и вопросы социальной мотивации и успешности индивида. Необходимо отметить, что среди россиян в целом в последние годы отмечался некоторый рост уверенности в том, что они в целом смогли достичь всего, к чему стремились и на что были способны (с 7,7% в 2020 г. до 13,8% в 2023 г.). Схожая позитивная динамика прослеживается и в части расширения доли россиян, сумевших добиться большинства поставленных целей, но все же понимающих, что были способны и на большее (с 22,0%

в 2020 г. до 28,3% в 2023 г.). Вместе с тем в совокупности больше половины населения считает, что либо уже однозначно не сумели реализовать в полной мере свой потенциал (31,8%), либо пока сохраняют надежды на его реализацию в будущем (21,7%).

Социальная успешность российских граждан оказывается значимо связана с целым рядом их объективных показателей и характеристик (возрастных, образовательных, профессиональных и т.п.). В частности, чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях (доходной, профессиональной, образовательной), тем лучше они оценивают степень реализации собственных планов. Сказывается на этих оценках и этап жизненного цикла – в более молодом возрасте человек ориентируется на будущие достижения, а к пожилому возрасту чаще склонен подводить положительные или неутешительные итоги. Кризисным в этом отношении выступает возраст от 45 до 54 лет (рис. 2).

Рисунок 2. Оценки представителей разных возрастных групп россиян степени реализации их жизненных планов, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %

Как видим, у российской молодёжи на этом фоне ситуация обстоит в целом оптимистичнее, хотя абсолютная реализуемость запланированных целей остаётся невысокой как среди тех, кому от 18 до 24 лет (5,0%), так и среди тех, кому от 30 до 35 лет (6,6%). Соотношение же тех, кто в целом доволен своими успехами и скорее или полностью недоволен к верхнему порогу взросления (30–35 лет) примерно равное (32,1% и 30,6%), хотя надежд к этому периоду уже гораздо меньше (37,3% против 56,8% среди 18–24-летних). Это свидетельствует о сохраняющихся сложностях и барьерах для российской молодёжи и довольно длинном цикле достижения приемлемого уровня социального благополучия, хотя бы в субъективном смысле. Затянутая нерешённость базовых проблем на этом фоне стимулирует популярность траекторий и занятий, не связанных с долгим циклом профессионального становления. В текущей ситуации ярким свидетельством этого является популяризация блоггерства. Так, по данным исследования молодёжи 2021 г., каждый второй молодой человек был готов попробовать свои силы на этом поприще, а среди ключевых преимуществ такого занятия называли чаще всего высокие заработки (55%) [10]. В этой связи возникает ещё

один немаловажный вопрос о ценностях, которыми руководствуется молодёжь на пути к достижению социального благополучия и успеха в современной ситуации. Даже в случае доминирования индивидуалистических целей на начальном этапе жизни какова их ценностная основа – здоровая самодостаточность [17] или же пренебрежение нормами в угоду целям под влиянием социальной реальности?

Самодостаточность как фактор социального благополучия и социальной успешности. Динамика мировоззренческих установок россиян в целом свидетельствует о росте установок на самодостаточность и стабильно высокую их поддержку в молодёжной среде (рис. 3), что согласуется с данными отечественных исследований [17].

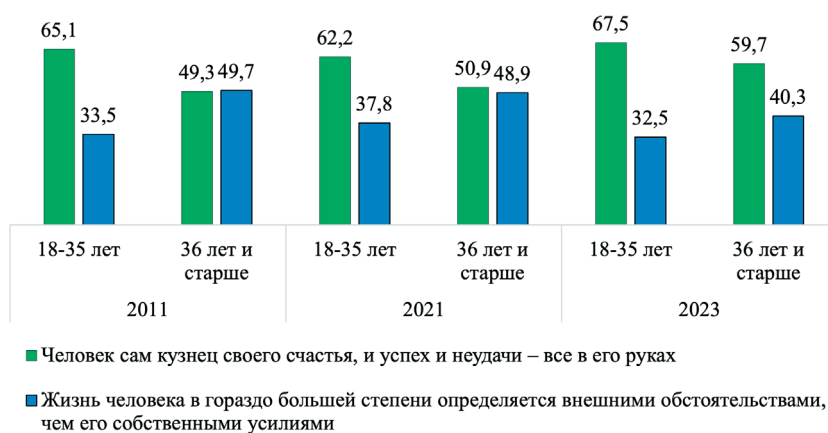

Рисунок 3. Динамика мировоззренческих установок среди разных возрастных групп россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2011–2023 гг., %

При этом среди молодёжи максимальна также доля тех, кто нацелен обеспечивать себя и свою семью без опоры на поддержку со стороны государства (66,2%). В целом эта установка доминирует у россиян на протяжении всего периода их экономической активности и только по мере достижения пенсионного возраста меняется на патерналистскую (62,6% в группе от 55 до 65 лет считают, что без поддержки государства им не выжить). В целом установки на самодостаточность свойственны не только наиболее молодым, но и наиболее успешным в профессиональном (свыше 70,0% среди служащих на должностях с высшим образованием, профессионалов и руководителей), доходном (77,0% среди представителей высокодоходных слоёв) и образовательном (66,7% среди лиц с высшим образованием) отношении россиянам. Подобные убеждения не существуют сами по себе, а подкрепляются реальными практиками и стратегиями. Это демонстрируется и на примере их взаимосвязи с оценками социальной успешности индивида (табл. 3). Так, именно среди молодёжи с доминирующим внутренним локусом контроля относительно выше доля удовлетворённых собственными достижениями. Соответственно, ниже она среди тех, кто отдаёт приоритет внешним обстоятельствам.

Таблица 3

Взаимосвязь оценок социальной успешности с мировоззренческими установками молодежи в возрасте от 18 до 35 лет, ИС ФНИСЦ РАН, 2023 г., %⁹

Оценки	Человек сам кузнец своего счастья, и успех и неудачи – все в его руках	Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо драться за своё место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали	Вы лучше не достигнете материального благополучия и не сделаете карьеру, но ни- когда не перешагнёте через свою совесть и моральные нормы	Всего
Достигли в общем всего, к чему стремились и на что были способны	6,7	3,8	6,5	4,9	5,7
Многого добились, но, кажется, были способны на нечто большее	26,1	15,1	17,6	27,6	22,4
Добились значительно меньше того, на что были способны	21,8	32,1	28,2	22,2	25,3
Считаете себя неудачником, так как почти ничего не добились	3,0	3,8	3,7	2,9	3,3
Рано подводить итоги, ещё добьётесь того, чего пока не удалось	42,4	45,3	44,1	42,4	43,3

Однако немаловажно и то, что не только самодостаточность, но также установка на примат моральных норм и ценностей также обеспечивает большую субъективную социальную успешность. Готовность же через них переступать относительно чаще ведёт к неудовлетворённости тем, чего удалось достичь, то есть ощущению социального аутсайдерства, которое хотя и не свойственно в массе своей российской молодёжи, но может стимулироваться именно за счёт обострения вышеперечисленных проблем и противоречий. Можно в этой связи предполагать, что установки на самодостаточность, не подкреплённые моральными нормами и ценностями, скорее могут проявляться не как маркер ответственного и самостоятельного подхода к достижению социального благополучия, а скорее как проявление крайнего индивидуализма без ориентации на границы и интересы других членов общества. Кроме того, интересно и то, насколько такая декларируемая готовность молодёжи брать на себя ответственность за свою жизнь и благополучие является элементом современной культуры и каков потенциал превращения этой установки в устойчивый её элемент для всего общества? Однако эти вопросы требуют более глубокого рассмотрения в рамках отдельного исследования.

Заключение. В среде российской молодёжи на текущем этапе развития произошли весьма существенные изменения, связанные как с изменением её объективного социального благополучия и шансами на его улучшение, так и с его восприятием в субъективном ключе. Для современной молодёжи значимо сни-

⁹ Фоном в таблице выделены ячейки, показатели в которых превышают средние по выборке более чем на величину статистической погрешности в 3–5%.

зились шансы на достижение относительно высоких доходов на ранних жизненных этапах, но и не повышались риски на скатывание молодёжных групп к границам бедности. Однако общие стандарты жизни для молодёжи повысились, границы неблагополучия стали более размытыми и не сводятся только лишь к размеру доходов. Не утрачивают при этом своей силы и тенденции, связанные с достижением социального благополучия к середине жизненного цикла и снижением его уровня после смены статуса с экономически активного на пенсионный. В этой связи для российской молодёжи сохраняется относительно длинный цикл достижения предельного уровня социального благополучия, поддерживать который на более поздних жизненных этапах возможно только в случаях сохранения социально-экономической активности на рынке труда.

Тем не менее на фоне происходящих разнонаправленных изменений российская молодёжь отличается высокими ожиданиями в отношении собственных достижений в будущем, особенно на начальном этапе жизненного цикла (18–24 года), опираясь на ценностно-нормативный каркас, характерный для российского общества в целом, но имея при этом характерное молодёжное видение критериев жизненного успеха. Во многом оно обусловлено проблемами и ожиданиями, характерными для того или иного этапа жизненного цикла. Однако видение жизненного успеха молодёжью через сочетание индивидуалистских ценностей с базовыми ценностями социального благополучия (прежде всего хороших работы и заработка) может свидетельствовать и о сосуществовании в российской культуре элементов индивидуалистской и коллективистской культур, проявлением сочетания традиционного и инновационного.

Интересные закономерности обнаруживаются при рассмотрении особенностей социальной успешности россиян сквозь призму различных социальных показателей объективного и субъективного характера. Так, степень самореализации россиян и молодёжи в особенности оказывается значимо связана с целым рядом объективных характеристик индивида (возрастных, образовательных, профессиональных и т.п.). В частности, чем выше занимаемое индивидом положение в различных статусных иерархиях, тем лучше он оценивает степень реализации собственных планов. В свою очередь ощущение социального аутсайдерства стимулирует формирование установок на индивидуализм, готовность достигать желаемого любой ценой. Напротив, здоровая социальная успешность коррелирует с установкой на приоритет моральных норм и ценностей.

Библиографический список

1. *Schneider S. M.* Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe // *European Sociological Review*. 2019. Vol. 35, No 3. P. 409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003). EDN [MAFUDN](#).
2. *Радаев В. В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 224 с. ISBN 978-5-7598-1985-1. EDN [STOTFS](#).
3. *Сторп У.* Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет? М.: Individuum, 2019. 408 с. ISBN 978-5-6042196-1-4.
4. *Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 6. С. 215–231. DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13). EDN [NWMEAQ](#).
5. *Зубок Ю. А.* Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688). EDN [KFHOUI](#).
6. *Youth and the New Adulthood: Generations of Change* / J. Wyn, H. Cahill, D. Woodman [et al.]. Springer Singapore, 2020. 162 p. ISBN 978-981-15-3364-8. DOI [10.1007/978-981-15-3365-5](https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5).

7. *Мареева С. В.* Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13, № 2. С. 158–183. DOI [10.19181/vis.2022.13.2.800](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.800). EDN [QINHEL](https://www.edn.ru/vis.2022.13.2.800).
8. *Сушко П. Е.* Специфика ценностных ориентаций и жизненных установок российской молодежи: есть ли межпоколенческий раскол? // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 3. С. 10–27. DOI [10.52311/2079-3359_2022_3_10](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_3_10). EDN [ZYTWMK](https://www.edn.ru/2079-3359_2022_3_10).
9. *Сушко П. Е.* Счастье и социальное благополучие в оценках россиян: проблема разграничения понятий // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 1. С. 48–62. DOI [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094). EDN [YBPQUP](https://www.edn.ru/snsp.2020.8.1.7094).
10. Молодежь и Россия будущего / Отв. ред. М. К. Горшков, М. Е. Фрадков, Н. Е. Тихонова. М. : РИСИ; Издательство «Весь Мир», 2023. 384 с. ISBN 978-5-7893-0287-3.
11. *Радаев В. В., Шкартан О. И.* Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с. ISBN 5-7567-0119-2.
12. Традиции и инновации в современной России: социологический анализ взаимодействия и динамики / А. Б. Гофман, А. Л. Темницкий, В. А. Крылов [и др.]. М. : РОССПЭН, 2008. 541 с. ISBN 978-5-8243-1071-9. EDN [QYSXUN](https://www.edn.ru/8243-1071-9).
13. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Н. Е. Тихонова, Ю. П. Лежнина, С. В. Мареева [и др.]. М.-СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с. ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.317544469-1419-7](https://doi.org/10.317544469-1419-7). EDN [YSPCNF](https://www.edn.ru/4469-1419-7).
14. *Festinger L.* A Theory of Social Comparison Processes // Human Relations. 1954. Vol. 7, No 2. P. 117–140. DOI [10.1177/001872675400700202](https://doi.org/10.1177/001872675400700202). EDN [JMIUGT](https://www.edn.ru/001872675400700202).
15. *Oyserman D., Lee S. W. S.* Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism // Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134, No 2. P. 311–342. DOI [10.1037/0033-2909.134.2.311](https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.311).
16. *Triandis H.* Individualism-Collectivism and Personality // Journal of Personality. 2001. Vol. 69, No 6. P. 907–924. DOI [10.1111/1467-6494.696169](https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169).
17. *Горшков М. К., Седова Н. Н.* «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4–16. EDN [VGMFJB](https://www.edn.ru/12.2015).

Поступила: 31.07.2023. Принята: 22.08.2023.

Сведения об авторе:

Сушко Павел Евгеньевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. sushkope@mail.ru
Author ID РИНЦ: [703237](https://elibrary.ru/703237); ORCID: [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)

P. E. Sushko¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Moscow, Russia

SOCIAL WELL-BEING AND SOCIAL SUCCESS OF RUSSIAN YOUTH

Abstract. Based on research data from the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, the article examines the dynamics and specifics of the social well-being of young people through the prism of comparing objective indicators of income and its subjective assessments. The specifics of young people's perception of their social success in combination with ideological attitudes towards self-sufficiency are also considered. It is shown that today's youth have significantly reduced the chances of achieving relatively high incomes in the early stages of life, but the chances of youth groups sliding towards the poverty line have not

increased either. Even though since 2003 the number of the most well-to-do among young people has decreased, the share of the least well-to-do youth has remained stable. Against this background, the general standards of life for young people have risen, and the boundaries of trouble have become more blurred. The category of social well-being has expanded, and the role of income as one of its key markers has decreased. Nevertheless, for Russian youth, a relatively long cycle of reaching the maximum level of social well-being remains. It is demonstrated that the Russian youth has high expectations regarding their own achievements in the future. At the same time, it is distinguished by a characteristic youth vision of the criteria for success in life, associated with the problems and expectations of a particular stage of the life cycle. It is also shown that the degree of self-realization of both young people and Russians is significantly associated with many objective characteristics of the individual. Thus, the higher the position occupied by an individual in various status hierarchies, the better he evaluates the degree of realization of his own plans. In turn, the feeling of social outsider ship stimulates the formation of attitudes towards extreme individualism, the readiness to achieve what is desired at any cost. A healthy understanding of social success correlates with the priority setting of moral norms and regulations.

Keywords: social well-being; social motivation; life success; ideological attitudes; youth

For citation: Sushko P. E. Social well-being and social success of Russian youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):136–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.8>

References

1. Schneider S. M. Why Income Inequality Is Dissatisfying. Perceptions of Social Status and the Inequality-Satisfaction Link in Europe. *European Sociological Review*. 2019;35(3):409–430. DOI [10.1093/esr/jcz003](https://doi.org/10.1093/esr/jcz003).
2. Radaev V. V. Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: HSE University Publ. House; 2019. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1985-1.
3. Storr W. Selfie. Why are We Obsessed with Ourselves and How Does It Affect Us? Moscow: Individuum; 2019. 408 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6042196-1-4.
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth's Activity in Changing Reality: Self-Regulation Contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(6):215–231. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2020.6.72.13](https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13).
5. Zubok Yu. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):4–12. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
6. Wyn J., Cahill H., Woodman D. [et al]. Youth and the New Adulthood: Generations of Change. Springer Singapore; 2020. 162 p. ISBN 978-981-15-3364-8. DOI [10.1007/978-981-15-3365-5](https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5).
7. Mareeva S. V. The Social Status of Russian Youth: Ideas and Reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022;13(2):158–183. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2022.13.2.800](https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2.800).
8. Sushko P. E. Specifics of Russian Youth's Axiological Orientation and Life Principles: Is There an Intergenerational Split? *National Strategy Issues*. 2022;3:10–27. (In Russ.). DOI [10.52311/2079-3359_2022_3_10](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2022_3_10).
9. Sushko P. E. Happiness and Social Well-Being in the Estimates of Russians – the Problem of Differentiation of Concepts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(1):48–62. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.1.7094](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.1.7094).
10. Gorshkov M. K., Fradkov M. E., Tikhonova N. E., eds. Youth and Russia of the Future. Moscow: RISI; Publishing house "All World"; 2023. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7893-0287-3.
11. Radaev V. V., Shkaratan O. I. Social stratification. Moscow: Aspekt Press; 1996. 318 p. (In Russ.). ISBN 5-7567-0119-2.
12. Hoffmann A. B., Temnitsky A. L., Krylov V. A. [et al]. Traditions and Innovations in Modern Russia: Sociological Analysis of Interaction and Dynamics. Moscow: ROSSPEN; 2008. 541 p. ISBN 978-5-8243-1071-9.
13. Tikhonova N. E., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V. [et al]. Income Stratification Model of Russian Society: Dynamics, Factors, Crosscountry Comparisons. Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2018. 368 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4469-1419-7. DOI [10.317544469-1419-7](https://doi.org/10.317544469-1419-7).
14. Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*. 1954;7(2):117–140. DOI [10.1177/001872675400700202](https://doi.org/10.1177/001872675400700202).

15. Oyserman D., Lee S. W. S. Does Culture Influence What and How We Think? Effects of Priming Individualism and Collectivism. *Psychological Bulletin*. 2008;134(2):311–342. DOI [10.1037/0033-2909.134.2.311](https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.311).
16. Triandis H. Individualism-Collectivism and Personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI [10.1111/1467-6494.696169](https://doi.org/10.1111/1467-6494.696169).
17. Gorshkov M. K., Sedova N. N. “Self-sufficient” Russians and Their Life Priorities. *Sociological research*. 2015;(12):4–16. (In Russ.).

Received: 31.07.2023. Accepted: 22.08.2023.

Information about the author:

Pavel E. Sushko, Cand. Sci. (Soc.), Leading Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. sushkope@mail.ru
ORCID: [0000-0003-0245-7015](https://orcid.org/0000-0003-0245-7015)